

7. Перепелкин Л. С. Религия (религиозные системы) // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. М.; Киров, 2012. С. 940-957.

8. Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2004.

Л. С. Перепелкин

А. А. ПЕЛИПЕНКО

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И КУЛЬТУРОЙ

***Аннотация:** Статья посвящена одной из сложнейших теоретических проблем философского, антропологического и культурологического знания: соотношению биологического и социокультурного начал в человеке. В русле смыслогенетического подхода, выдвигается концепция конвертации биопрограмм в социокультурные практики. В свете этой концепции рассматриваются обстоятельства эволюционного перехода от животного к человеку.*

***Abstract:** The article is devoted to one of the most difficult theoretical problems of philosophical, anthropological and cultural knowledge: the correlation of the biological and social-cultural principles in the human being. Following the meaning-genetic approach the author offers the concept of conversion of bio-programs into socio-cultural practices. In the context of this theory he considers the circumstances of evolutionary transition from the animal to the human.*

***Ключевые слова:** антропогенез, конвертация, смысл, эволюция, переход, ментальность, интенция, паттерн.*

***Keywords:** anthropogenesis, conversion, meaning, evolution, transition, mentality, intention, pattern.*

В небольшой статье невозможно осветить все грани чрезвычайно сложной темы сопряжения биосистемы и культуры, животной психики

Перепелкин Лев Станиславович – кандидат исторических наук, заведующий сектором Российского института культурологии (Москва). E-mail: leonethnography@yandex.ru.

Пелипенко Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологии (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru.

и человеческого сознания. Остановлюсь лишь на двух моментах, имеющих, по моему мнению, ключевое значение. Это эволюционная логика «эмиграции» предков человека из природы и принцип конвертации биограмм в культурные практики.

Прежде всего я должен заявить чрезвычайно важный предварительный тезис.

Заключается он в постулировании дуалистической противоречивости эволюционной динамики и, соответственно, двунаправленности эволюционного процесса.

Эктогенетические теории (в частности, дарвинизм), как правило, сводят содержание эволюционных процессов *адаптации* и *специализации форм*, не выходя за рамки обстоятельств взаимоотношений эволюционирующих структур с внешней средой, упуская из виду, что изолированные системы тоже могут эволюционировать. При этом, поскольку само понятие эволюции неразрывно связано с адаптивизмом, то, сталкиваясь с ситуациями, когда адаптивистские объяснения не работают, исследовательская мысль начинает заниматься натяжками, подгонками, более или менее явным жульничеством и передергиванием. Уходя от крайностей адаптивистского подхода, исследователи часто оказываются в плену крайнего автоморфизма или преформизма. Чувствуя бесплодность метаний между полюсами адаптивизма и автогенетизма, ряд авторов прибегает к таким определениям, как *прогрессивная* или *магистральная* эволюция, теоретические концепции которых оказываются все же недостаточно внятными. При этом необходимость более четко разграничивать эволюционные направления уже назрела со всей остротой.

В связи с этим рискну предложить принципиально иную модель. Комплекс изменений, связанный с адаптацией и специализацией структур и форм в эволюционном становлении системы, можно условно назвать горизонтальным, или внутрисистемным направлением эволюции. Наряду с ним, однако, действует и другое — *вертикальное* направление, связанное с транссистемным устремлением глобальных эволюционных векторов (ГЭВ). Их четыре: усложнения, дифференцирования, уплотнения фронта эволюции и наращивание субъектности (самости). Направление это — не просто продолжение внутрисистемной эволюции или выведение ее процессов за пределы системы, как это нередко представляют сторонники магистрального направления в эволюционировании. Это процесс, имеющий принципиально иную природу и механику, которые коренятся в неизбывном противоречии между бесконечностью принципа и конечностью форм его воплощения. Под бесконечностью принципа здесь подразумевается трансцендентность вышеперечисленных характе-

ристик ГЭВ по отношению к каждой локальной системе, в которой они себя обнаруживают. А конечность форм — это прогрессия становящихся и останавливающихся в своем имманентном развитии форм и структур, ограниченная рамками общесистемной конфигурации. Поскольку всякое горизонтальное эволюционирование — разворачивание системы вширь — обусловлено контекстом взаимодействия со средой (эпигенетической суммой материнских систем), то это с неизбежностью уменьшает чистоту воплощения принципа в каждой конкретной ситуации, ибо становящиеся формы оказываются не абсолютным выражением устремлений ГЭВ, а компромиссом со средой. Иными словами, в любой эволюционной ситуации возникает нетождество и, соответственно, конфликт между универсальными принципами конфигурирования и самой получаемой в результате наличной конфигурацией. Причина конфликта в том, что наличная конфигурация всегда несет в себе черты компромисса с активно воздействующей на ее формирование средой и с самим материалом эволюционирующей системы.

Действие вертикального вектора эволюции во всех ситуациях межсистемных переходов сходно: вертикальные силы ГЭВ находят в системе наименее специализированное звено и «выталкивают» в новое эволюционное качество, где значения названных четырех векторов достигают принципиально более высоких значений.

Какими же конкретными факторами опосредовалась вертикальная ориентация ГЭВ в ситуации антропогенеза?

Прежде всего это:

- бипедализм (прямохождение);
- неотенический комплекс и сопряженный с ним синдром родовой травмы;
- опережающий рост мозга, протекающий в режиме нарастающей церебральной асимметрии;
- гиперсексуальность и выпадение из популяционных волн, с чем непосредственно связано ускользание человека из-под действия естественного отбора и занятие им позиции поверх всех трофических ниш в природе.

Другие факторы — формирование кисти руки и голосового аппарата — при всей их важности, носят все-таки подчиненный характер.

Не имея возможности рассмотреть все эти факторы подробно, остановлюсь лишь на энцефализации и значении межполушарной функциональной асимметрии (МФА).

Отправным эколого-климатическим обстоятельством, открывшим возможность вертикального межсистемного перехода, стала своеобраз-

ная климатическая мельница плейстоценовой ледниковой эпохи, когда в ходе циклических возвращений сухих ледниковых периодов происходило то резкое расширение, то сокращение площадей африканских травяных саванн. Ритмы климатических периодов уплотнились, переведя динамику и, соответственно, само содержание эволюционных процессов на этой территории в принципиально иную плоскость. Показательно, что начало межсистемного перехода инициируется именно изменениями в регулирующих ритмах — самом глубинном и в то же время самом абстрактном уровне эволюционного процесса.

В результате ускоренного чередования климатических периодов весь фаунистический комплекс оказался в чрезвычайно сложной ситуации. Обычный «горизонтальный» ответ на вызов сложившихся условий был неадекватен: видообразование, формирование органов и физиологических режимов, ориентированных на адаптацию к среде, не может осуществляться по принципу «туда — и обратно». Вектор горизонтального эволюционирования здесь заходит в тупик, ибо остается лишь два выхода: вымирание или миграция. Но гоминиды явили совершенно неординарный и не укладывающийся в логику горизонтального эволюционирования ответ — снижение мутабельности и замедление эволюционных реакций.

Здесь просматривается начало того поворота, который привел, в конечном счете, к отказу от стратегии приспособления к среде в пользу стратегии приспособления среды к себе. Совершенно очевидно, что только существа с минимальной морфофизиологической и психической специализацией были способны на такой эволюционный кульбит. Так аутсайдеры горизонтальной эволюции начали свое восхождение к новой конфигурации, которое совершалось, как уже отмечалось, в форме тяжелой эволюционной болезни.

Не будем сейчас касаться связей роста мозга с причинами и последствиями перехода предков человека к хищнической стратегии жизни и с превращением их во всеядных существ с большой долей мясной пищи в рационе, хотя антропологи справедливо придают этому фактору большое значение. Пионером плотоядности часто считают *homo ergaster*, жившего (1,9 (1,8) — 1,43 (1,41) млн. лет назад. Связь между добавлением в рацион мясной пищи и усилением энцефализации несомненна, но глубинные причины последней лежат далеко за пределами внешних экологических факторов и, в частности, структуры и режимов питания. Употребление мясной пищи может быть одним из физиологических условий роста мозга, обстоятельством, опосредующим глобальную эволюционную тенденцию, но никак не ее причиной.

Итак, не позднее 2,5 млн. лет назад на просторах африканских саванн обнаружили первые носители генов *Homo* с древнейшими каменными артефактами и значительно более крупным мозгом. Здесь наблюдается примечательная развилка: у одной из ветвей линии *Paranthropus* (боковая ветвь австралопитеков) развились крупные и мощные челюсти, позволявшие пережевывать жесткую растительную пищу (хотя доказано, что *Paranthropus* был всеядным). Другие же ветви *Homo* пошли по пути укрупнения мозга и изготовления каменных артефактов. Жевательные мышцы здесь не случайная деталь. Именно их существенное ослабление в результате мутации около 2,4 млн. лет назад привело к тому, что они перестали «сдерживать» череп, то есть ограничивать возможности увеличения пространства для роста мозга¹.

В этом эпизоде, как впрочем, и в ряде других, наглядно проявляется излом эволюционных векторов: горизонтальный принцип морфологической специализации органов подступает к своим границам, и в этой точке берет начало вертикальное направление развития (впрочем, здесь уместнее говорить не о самом начале, а о продолжении, усилении тенденции). Линия *Paranthropus*, хотя и укладывается в общий «мейнстрим» укрупнения мозга, но представляет собой пока что обычный общебиологический путь приспособления морфологических признаков к экосреде: рост мозга здесь осуществляется более в абсолютном, чем в относительном выражении. Но даже и подчиненный пока общебиологической логике абсолютный рост мозга в этой морфофизиологической конфигурации и в этих экологических условиях таил в себе скрытую «эволюционную провокацию». Ее реализация на морфофизиологической основе гоминид привела к тому, что мозг стал не просто функциональным органом, а его резкое укрупнение — не просто обычным эволюционным ответом на вызовы среды. Начался очередной виток уплотнения, «сворачивания» макроэволюционного фронта вглубь все более локализуемых физических структур, сопровождающийся нарастанием сложности и самостоятельности их носителей по отношению к внешней среде. В результате возник единственный в своем роде, вызванный вертикальным эволюционным прорывом феномен: сочетание неспециализированного тела со специализированным мозгом. Резко укрупнившийся мозг ввиду своей структурной мультифункциональности стал в принципе неподвержен гиперспециализации, что открывало возможности его развития в самых широких пределах.

---

¹ Дробышевский С.В. Эволюция мозга человека. Анализ эндокраниометрических признаков гоминид. М., 2007. С. 69.

Рискну предположить, что между «климатической мельницей» и резким укрупнением мозга, как, впрочем, и другими аспектами антропогенеза, существует самая прямая и непосредственная связь. И хотя тенденция к цефализации проявлялась, разумеется, и ранее, приспособление к уплотнившимся климатическим ритмам потребовало *комплексного*, а не локального изменения жизненно важных программ. Локальные программные трансформации, вызванные изменением лишь некоторых средовых параметров, могли быть обеспечены обычными морфологическими изменениями отдельных органов. Но изменение всего комплекса программ требовало полномасштабных системных изменений, которые могли быть осуществлены только на пути увеличения общего координационного центра — мозга. Иначе говоря, климатическая мельница так изменила ритмы эволюционного процесса, что сделала невозможным для предков человека выживание путем локальных морфологических изменений. Они оказались перед необходимостью сменить стратегию встраивания в среду на стратегию приспособления среды под себя, возможность которой потенциально открывало укрупнение, а затем и структурная «переупаковка» мозга. Итерационный процесс всякий раз упирался в границы внутривидовых изменений, а границы адаптивных возможностей отмеряли пределы жизнеспособности видов.

Так, инерционное наращивание массы мозгового вещества у неандертальцев, превосходивших по этому показателю кроманьонцев, в конечном счете, обнаружило свою тупиковость². Впрочем, так называемых прогрессивных (атипичных) неандертальцев все чаще относят к ранним популяциям неоатропов. Речевые зоны были, как предполагают, развиты слабее, конкретно-чувственное восприятие доминировало над слабо выраженной способностью к абстрагированию. Выделение нейронных структур, связанных со второй сигнальной системой в отдельный слой или блок, надстраивающийся над более древними структурами непосредственного чувственного восприятия³, и опосредование их опыта в абстрактных представлениях — это генеральное направление эволюции, свя-

---

² См.: Pilbeam D. *The Evolution of Man*. London, 1970.

³ Согласно К. Уилберу, мозг имеет слоистую структуру: новообразования наслаиваются на более древние пласты. Каждый слой со своим специфическим набором программ и функций соответствует макроэтапам биологической эволюции. При этом нижние слои эпигенетически «прорастают» в верхние. При всех поправках на схематизм и известную метафоричность такой модели ей нельзя отказать в точном схватывании самой сути механизма эволюционного структурирования. Но самое главное в том, что этот механизм действует и в структурировании исторически (а не биологически) формируемых структурах ментальности. Уилбер К. Проект Атман. М., 2004.

зывающее психофизиологическое и ментальное. Скачок мозговой структуризации от неандертальца к сапиенсу — это лишь начало процесса. Дальнейшие его этапы отмечают поворотные моменты становления различных типов ментальной конституции человеческого субъекта на протяжении всей его уже культурной истории.

Таким образом, малая специализированность, бывшая изначально скорее признаком слабости, примитивности и эволюционной бесперспективности, в новых условиях обернулась своей противоположностью: ничем до того не выдающиеся гоминиды оказались в эволюционно выгодном положении. В дальнейшем мы не раз увидим, как «маргиналы» в ситуациях межсистемных переходов перемещаются с периферии системы на передний край развития и становятся главными действующими лицами эволюции.

Таким образом, путь энцефализации, особенно с момента резкого возрастания относительного роста мозга, демонстрирует принципиальную переориентацию эволюционного вектора с внутрисистемного горизонтального направления (общая морфофизиологическая «заточка» всего организма под соответствующую нишу в биоценозе) на вертикальное. Постепенное сворачивание, ограничение, а затем, начиная с зашедшей в эволюционный тупик ветви *Paranthropus*, блокировка комплексных морфофизиологических изменений позволили уплотнить, сфокусировать фронт эволюционных трансформаций и локализовать его в области мозга, перенаправить «рассеянную» эволюционную энергию комплексных морфологических трансформаций на одно магистральное направление — энцефализацию. Это не абстрактное умозрительное построение: уже у антропоидов (орангутангов, горилл и шимпанзе) изменение экосреды — повторное возвращение к обитанию в лесу, — перестроив, как это обычно происходит в биоэволюции, череп и зубную систему, тем не менее, ни в коей мере не способствовало упрощению структур мозга.

У предков человека опережающий рост мозга уже не только «подтягивал» за собой «догоняющую» эволюцию всего организма, но и кардинальным образом менял и корректировал саму ее направленность. Произошло перенацеливание эволюции с приспособления видовой конфигурации к среде на превращение отрицательного универсализма гоминид в положительный за счет развития новых возможностей бурно растущего мозга. Таким образом, переориентация макроэволюционного вектора не могла не заблокировать развитие общеморфологических адаптационных изменений: на переднем крае эволюционного фронта они были уже не только неуместны, но и просто недопустимы. Ведь результирующий вектор разноуровневых эволюционных процессов не может идти

одновременно в разных, несовместимых друг с другом направлениях, и прорыв в сторону нового системного качества возможен лишь при условии ограничения эволюционных вариаций в рамках прежнего направления. Потому-то необходимым условием взрывной энцефализации у гоминид стало замедление эволюционных реакций и понижение мутабельности на общеморфологическом уровне. Формирование же специализированных органов оказалось просто заблокированным, а морфофизиологические изменения, связанные с адаптацией к среде, все более сводились к незначительной «ретуши». Неудивительно, что режим переориентации макроэволюционного вектора обернулся для гоминид комплексной разбалансировкой режимов, регулирующих жизненные процессы, и тяжелейшим болезненным кризом.

Остается добавить, что постепенное стягивание психических функций в мозг и отделение таким образом мышления от поведения — отличительная черта человека. У животных мозг представляет собой только координирующий, но не моделирующий центр. Животные «мыслят» всем телом, и их психические функции неотделимы от моторно-мышечных действий. У высших животных такое отделение лишь намечается. Но в антропогенезе происходит постепенная генерализация и «узурпация» психических функций бурно развивающимся мозгом, и на смену нераздельности психического импульса и физического действия приходит «присвоенная» мозгом мысль. Этот процесс «перетягивания» и сосредоточения когнитивных функций в мозг продолжался и после завершения видовой эволюции сапиенсов; у разных рас соотношение ментальной и гаптической⁴ когнитивности незначительно, но варьируется. Надеюсь, это вполне невинное, а главное, совершенно объективное наблюдение не послужит поводом для обвинений в расизме.

И последнее соображение об энцефализации. В ней мы видим пример общеэволюционной закономерности, в силу которой всякий инновативный феномен, в данном случае ускоренно растущий мозг антропоидов, обнаруживает функции, напрямую не вытекающие из причин и предпосылок его появления. И чем более диссистемным был феномен (а бурно развивавшийся мозг антропоидов был именно таким), тем более явно он порождал не линейное направление своих функциональных экспликаций, а своего рода куст, пучок разнонаправленных интенций и соответствующих им потенциальных возможностей функциональной реализации. Так, изначально укрупнение мозга было продиктовано чисто

---

⁴ К гаптической системе перцепций относятся конечности, суставы, мышцы и поверхность кожи вкуче с соответствующими нейронными центрами мозга.

биологическими причинами, но по мере того, как протокультурные практики из побочного эффекта этого процесса стали оформляться в механизм эффективной психической самонастройки, комплекс новых возможностей оказался ориентирован именно в культурогенетическом направлении. Как бы ни трактовалось возникновение этих возможностей мозга — как нечто провиденциалистски предзаданное или как нечто случайное, — они с необходимостью не вытекают из самого процесса роста мозга, хотя и обуславливаются им. Иными словами, сапиентизация не есть биологически предопределенное следствие энцефализации как таковой.

Проблема МФА требует особого внимания. Тема эта, поднятая в последней трети прошлого века, в последнее время стала довольно модной, и мне бы не хотелось встраиваться в ряд авторов, развлекающих читателя вульгарными и размашистыми обобщениями и «эффектными» выводами, основанными на плоских редукционистских рассуждениях. Однако обойтись парой фраз не удастся, поскольку МФА чрезвычайно важна не только в контексте анализа обстоятельств антропогенеза, но и в качестве глубинного фактора широкого ряда ключевых культурогенетических вопросов. Симметрия как таковая выступает универсальным структурообразующим принципом, который обеспечивает само полагание разрозненных феноменов в единую онтологическую модальность, в которой, в свою очередь, осуществляется полагание и группировка любых оппозиционно оформляемых различий. В космологических и биологических системах это симметричное полагание носит по отношению к физическим объектам характер внешнего закона и универсальной упорядочивающей формулы, в определенном смысле трансцендентной самому «физическому» материалу, хотя и проявляющейся как бы изнутри его самого. «Упаковываясь» в структуры человеческого мозга, принцип сочетания морфологической симметрии и функциональной асимметрии становится правилом организации психики и конфигуративным принципом формирующейся человеческой ментальности. Таким образом, симметрично-асимметричные отношения, определяя сложнейшую диалектику человеческого сознания, связывают биосистему и культуру, и здесь их предметом выступают уже не только интериоризованные в культурное пространство объекты (образы) природного континуума, но и мир дискретных смысловых и артефактуальных феноменов.

Становясь принципом мышления, симметрия задает такую апперцепцию пространства (или плоскости как его модели), где изначально полагается определенная связь смысловых элементов, пребывающих в единой онтологической модальности. При этом важно, что сложная конфигурация симметрично-асимметричных отношений, воспроизводясь на

уровне самой морфологии мозга и соответственно психических структур, априорна по отношению ко всякому культурно-смысловому опосредованию. Симметрично-асимметричные структурные отношения предшествуют любой семантике и никоим образом из нее не выводятся. Можно сказать, что акт смыслополагания начинается с бессознательного и досемантического установления самих топологических зон, в котором затем оказываются симметрично размещены элементы семантической структуры. Отсюда берет начало и конвертация фундаментального для любого эволюционного процесса принципа бинаризма в пространство культурного смыслообразования. «Поэтому можно представить себе, что двухполюсная система оппозиций, окрашенных эмоционально, “встроена в самую организацию головного мозга”»⁵. Эта встроенность недвусмысленно указывает на то, что принцип бинаризма не есть условное изобретение человеческого сознания и не продукт его развития на каком-либо этапе. Бинаризм имманентен Вселенной в целом: и микро- и макрокосму (по-видимому, самым глубоким уровнем симметричного бинаризма можно считать коррелированность квантовых объектов). Речь может идти не о периодах или ситуациях, когда принцип симметричного бинаризма отсутствует вовсе, а о реконструкции истории его самообнаружения в структурах человеческой ментальности и, соответственно, культуры. Так, если эпоха ясных бинарных классификаций на основе новообретенных способностей мышления к абстрагированию наступила лишь в верхнем палеолите, то из этого не следует, что до этого бинарных оппозиций не было вовсе.

Итак, принцип симметрии предустанавливает ниши (топосы, зоны) для бинарного смыслополагания. Первичным импульсом для него выступает эмпирическая дискретность элементов той или иной пары. Далее: чем семантически конкретнее какой-либо из элементов оппозиции, тем определеннее его симметричное соотношение с элементом-носителем противоположных качеств, кои при симметричном единстве онтологии служат каналом вычленения противоположного элемента оппозиции, его семантизации и включения в смыслогенетические цепи. Симметричная разбивка смыслового пространства на сегменты и уровни вкупе с симметричным же зонированием каждого из этих уровней — первичное условие смыслополагания, которое преодолевает хаотическую гетерогенность среды.

Благодаря проявлению симметрично-асимметричной диалектики в пространстве нейрофизиологической активности и, соответственно, ког-

---

⁵ *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978. С. 107.

нитивных практик человеческая ментальность приобретает внутрисистемное напряжение, неравновесие, а следовательно, и способность (и необходимость) к имманентному саморазвитию. Импульс к развитию системы как целого, таким образом, исходит изнутри системы, тогда как ответом на внешние вызовы среды можно объяснить только изменения в тех или иных локальных подсистемах. Тот же закон действует и в культурных системах, ибо их онтология в целом гомоморфна структуре ментальности, а микроуровень (ментальность субъекта) и макроуровень (культурная система) связаны между собой фрактальными отношениями.

Итак, чтобы энцефализация стала двигателем эволюционного фронта, нужна внутренняя интрига, имманентный источник напряжения, без которого невозможно никакое развитие вообще. Таковой интригой и явилась МФА. Предполагают, что стимулом к ее ускоренному развитию стали мутации (опять мутации! И не иначе как «случайные»!) Y-хромосом, случившиеся через некоторое время после разделения ветвей шимпанзе и человека. Первая из этих мутаций произошла у общего предка *Homo* и *Paranthropus*, а вторая — у *Homo erectus*, ибо именно у этого вида впервые явственно обнаружены признаки церебральной асимметрии. Неудивительно, впрочем, что таковые признаки, хотя и не столь явно выраженные, находят или, по меньшей мере, предполагают также у австралопитеков.

Еще до открытия Р. Сперри⁶ было замечено, что центры речи локализуются преимущественно в левом полушарии и даже закреплены в нем генетически, тогда как правое отвечает за целостнообразное восприятие. Впрочем, сейчас стало вполне очевидным, что концепция механического разделения функций между полушариями и абсолютизация левополушарного доминирования у современного человека — один из научных мифов прошлого века. Представления о голографическом устройстве мозга (К. Прибрам), функциональной диффузии, нейронных ансамблях, да и просто режимы интеграции в работе полушарий, осуществляемые посредством соединительных образований мозга (комиссур), разрушают упрощенно-механистическую картину МФА. К тому же помимо праволевой асимметрии в эволюции мозга подспудно развивалась также и продольная асимметрия в характеристиках между передними и задними отделами мозга.

Исследования В.Л. Бианки показывают, что в процессе обработки полученных извне данных участвуют оба полушария. При этом варьиру-

---

⁶ Sperry R.W. "Cerebral Organization and Behavior" // *Science*. 1961. Vol. 133. P. 13-22; *Idem*. Some General Aspects of Interhemispheric Integration // *Interhemispheric Relation and Cerebral Dominance*. Baltimore, 1962. P. 43-49.

ются как отношения доминирования, так и режимы обмена данными между ними⁷. Многолетние экспериментальные исследования свидетельствуют также о том, что полушарное доминирование меняется в зависимости от последовательности этапов того или иного вида деятельности, от времени суток и экологических условий. Вместе с тем, можно определенно констатировать, что морфологическая асимметрия нарастает в филогенетическом ряду и более выражена у человека, чем у антропоидов. И, разумеется, выражается она наиболее сильно в неокортикальных структурах: нижнелобной, нижнетеменной, верхневисочной.

Ни в коем случае не следует упускать из виду, что помимо сопоставления автономных режимов функционирования полушарий исключительно важное значение имеют также и режимы их интегративного функционирования. И именно с ними, а не столько с развитием функций каждого полушария в отдельности, и связано рождение сакраментального надприродного качества человеческого мозга. Неслучайно мозолистое тело мозга (центральная связующая комиссура между полушариями) у человека уже, чем у его эволюционных предшественников. Следствием этого являются: существенно более высокий уровень внутреннего напряжения в психической системе, более выраженные формы МФА во всех их проявлениях, нарушение или разрушение интегративных психических связей, присущих животным, и компенсаторное усиление функциональной и энергетической нагрузки на сохраняющиеся каналы.

Итак, феномен человеческого мышления, который в дальнейшем будет раскрываться через концепцию смыслообразования, обязан своим рождением не столько процессу развития гемисфер как таковых и даже не самому феномену МФА, сколько характеру межполушарного взаимодействия в контексте указанных обстоятельств. Иными словами, психические режимы, давшие начало мышлению в его человеческом измерении (сделаем реверанс этологам), связаны с взаимодействием и структуризацией право- и левополушарных когнитивных паттернов, протекающих в процессе двусторонней, интегрирующей медиации между полушариями. Эта необходимость в медиации, дабы не разрушить психическую систему в целом и при этом получить подпитку от общесистемного источника энергии, приходит в противоречие со стремлением полушарий к обособлению и доминированию. Это и создает в системе психики не просто болезненное напряжение, но пружину диалектического развития, диалектическую ситуацию, своего рода «неразвитую напряженность принципа» (Гегель). Здесь важно акцентировать тезис о том, что МФА оказывается локомотивом ди-

---

⁷ Бианки В.Л. Асимметрия мозга животных. Л., 1985; Он же. Механизмы парного мозга. Л., 1989.

алектического процесса становления человеческого мозга, «подтягивающего» за собой морфофизиологическую эволюцию всего организма.

Этот тезис отчасти перекликается с идеями Р. Сперри о том, что ум, будучи эмерджентным качеством организации мозга, оказывает «нисходящее» причинное воздействие на нейрофизиологические процессы более низких уровней, что позволяет внести в систему фактор телеологии. Причем такое нисходящее воздействие, направленное «поверх» «восходящих» физических связей и зависимостей, прослеживается уже на уровне простейших организмов.

Таким образом, функциональное содержание межполушарной асимметрии раскрывается в гораздо более сложном и многообразно обусловленном виде, чем это предполагается постулатом о левополушарном доминировании⁸ и чем это может показаться в ходе наблюдений за его простыми внешними проявлениями. До недавнего времени господствовала точка зрения, согласно которой асимметрия в ее моторном и сенсорном выражении присуща всем позвоночным животным, но межполушарная асимметрия филогенеза не «является основой психической деятельности человека, возможно морфо-функционально закрепленной со времен неандертальцев». Что же касается животных, то у них она носит скорее стохастический характер. «Животное рождается с симметричными полушариями, но в процессе онтогенетического развития случайные явления окружающего мира, действующие неоднозначно на левое и правое полушария, могут приводить к функциональной асимметрии». Таким образом, у животных существует некий психофизиологический потенциал к асимметрии функций, но проявляется он главным образом под действием ситуативных внешних факторов или в результате целенаправленной обучающей деятельности человека, что объясняет, в частности, совершенно особое «человекоподобное» поведение домашних животных. Впрочем, работы В.Л. Бианки и его коллег доказывают, что у большинства видов животных все же существует индивидуальная межполушарная асимметрия, а у некоторых также и *видовая*.

Установлено, что морфологическая асимметрия ЦНС (центральная нервная система) свойственна певчим птицам и связано это, что характерно, с высокой интенсивностью и специализацией звуковой сигналь-

---

⁸ Предельно радикально эта идея выражена у Дж. Эклса, который считал, что левое полушарие является доминирующим не только для языка, но и для концептуального мышления. Значение же правого полушария всячески принижалось и сводилось к роли автомата, выполняющего биологические программы. См.: Eccles J.C. The brain and the unity of conscious experience // 19-th Eddington memorial lecture. Cambridge, 1982.

ности. Примечательно и то, что у животных левый мозг функционально связан с моторными функциями. Еще в 70-х гг. была выдвинута гипотеза, согласно которой моторные механизмы левого полушария стали базой для семиотико-символической и дискурсивной деятельности, поскольку были ориентированы на развитие некоторых специфических видов двигательной активности, в том числе тонкой мышечной настройки губ, гортани и языка. Здесь, правда, встает проклятый вопрос о первопричине (если здесь ее вообще правомерно искать): все эти настройки — порождение уже имевшихся изначально способностей левого мозга или сам левый мозг развивался за счет обратных развивающих импульсов двигательных центров? Однако в любом случае важно, что пробуждение дискретных когнитивных технологий левого полушария в антропогенезе связано с упомянутым стягиванием в мозг снятого (в гегелевском смысле) опыта моторной когнитивности, ибо именно она обретается в пространстве временных длительностей и каузальных зависимостей.

Независимо от того, можно ли считать межполушарную функциональную асимметрию мозга видовым отличием человека от животных, очевидно, что именно антропогенез шаг за шагом эксплицировал весь комплекс нейрофизиологических и, соответственно, когнитивных режимов и возможностей, связанных с этой асимметрией, переведя его из потенциального в актуальный план. При этом полемика когнитивных техник — «древних» правополушарных и пробуждающихся левополушарных — стала не только источником патологичности и сумеречности раннего сознания, но и источником его имманентного развития.

При этом чрезвычайно важно, что нарастающая в филогенетическом ряду активизация левого полушария и «сворачивание» в ходе этого процесса моторной когнитивности в мозг отнюдь не были направлены на немедленное приобретение каких-либо адаптационных преимуществ в русле горизонтальной эволюции: культурно-исторический опыт показывает, что, по крайней мере, для базовых программ жизнеобеспечения наиболее адаптивно выигрышными выступают как раз не лево-, а правополушарные когнитивные режимы. Иное дело, что постепенное вторжение левополушарных когнитивных практик меняет не только структуру, но и само содержание этих программ.

Итак, при всех оговорках можно считать установленным, что левое полушарие контролирует дискретизацию информационных потоков, поступающих из окружающего мира, комбинирование смысловых элементов и соответственно заведует такими уже собственно культурными программами как лингвистические, абстрактно-логические и математические, осуществляет операции по формализации и знакообразованию.

Правое полушарие ведаёт образно-сенсорными и интуитивно-подсознательными функциями, организует пространственное восприятие и топографическую память.

В правом полушарии преобладают функции, связанные не с аналитическим, а с синкретическим и впоследствии синтетическим восприятием. Это невербальные, слуховые, незнакомые визуальные, соматосенсорные и моторные сигналы, позволяющие воспринимать внешнюю реальность синкретично, целостно и симультанно, без разделения на составные элементы. И хотя на основе опытов с расщепленным мозгом (Р. Сперри, Дж. Эклс и др.) утвердилась теория «переменной доминантности», согласно которой доминантные отношения меняются в зависимости от выполняемых функций, в общем виде можно утверждать что «...левое полушарие у людей специализируется на вербально-символических функциях, а правое — на пространственно-синтетических». При этом правополушарное восприятие кучно: после целостного схватывания некоего гештальта концентрированное восприятие почти спонтанно дрейфует на другой элемент. И, конечно же, особенно важно подчеркнуть, что более древние правополушарные функции ориентированы на адаптацию. Именно они служат психическим проводником программы вписывания в среду, то есть работают на горизонтальную (см. выше) эволюцию в природе, что, в свою очередь, согласуется с общей ориентацией правого полушария на удерживание психики в континууме когерентных связей. Поэтому, в частности, еще в 70-х гг. прошлого века было замечено, что правополушарная когнитивность соотносима с фрейдовской сферой подсознательного.

И последнее, на чем необходимо остановиться при анализе эволюционного значения МФА. Генезис человеческого сознания в его нейрофизиологическом аспекте начался не с внезапного и самопричинного развития левополушарной когнитивности, хотя к тому и были свои собственные эволюционные стимулы. Левополушарная когнитивность, как это ни парадоксально, в раннем антропогенезе, а, возможно, отчасти и позднее, играла компенсаторную роль. Разбалансировка природных режимов и ритмов психосенсорной и моторной активности у ранних гоминид привела к тому, что диапазоны правополушарной перцепции сбились со своих природных настроек и стали принимать предельно расширенный спектр психических паттернов. По этой причине психика оказалась патологически перегружена «безразмерными», размытыми, расфокусированными гештальтами, далекими от релевантности стандартно-инстинктивным программам природного психизма, но зато максимально приближенными к прямому, то есть минимально опосредованному

погружению в трансцендентные глубины запредельного мира. (См. об этом другую мою статью в этом же альманахе.) То, что именно расплывчато-кучные рецептивные комплексы раскрывают психику для образов и сигналов запредельного (имплицативного в терминах Д. Бома) мира, достаточно очевидно: здесь отсутствует дискретизация целого и интенциональная фокусировка его элементов — психическая предпосылка формирования опосредующего кордона рефлектирующей самости, порождающая, в конечном счете, субъективное Я. Вот почему активизация правополушарной когнитивности — это не только архаизация психики, направленная в сторону докультурных природных режимов, но и коридор, ведущий в глубины бессознательного и глубже — в мир, не данный человеку в обычном чувственном восприятии.

Такое состояние психики было крайне болезненным и опасным. Не говоря уже о том, что запредельный мир «не любит» никого слишком глубоко в себя впускать. Единственным выходом, если говорить о потенциале психофизиологических изменений, было компенсаторное наращивание левополушарных когнитивных функций. Функции эти — фокусировка, дискретизация, локализация в пространственно-временных координатах, фрагментирование исходных кучных и рыхлых единиц (гештальтов) правополушарной перцепции, комбинаторика и компоновка их элементов — стали, по мере бурного роста левого полушария, проявляться задолго до развития речи, надситуативной активности, сознательного оперирования артефактами и т.д. В результате, в итоговых психических актах, которые еще только начали преобразовываться в акты мышления, стереометрия когерентной доминанты правополушарной рецепции и когнитивности стала медленно, но неуклонно разбавляться «уплощенной» темпоральной каузальностью с их иерархическими и субординационными связями.

Подытожим. МФА — есть частное проявление универсального принципа морфологической симметрии и функциональной асимметрии, выступающего эволюционным законом и двигателем межсистемных переходов.

МФА в том виде, в каком она сформировалась у человека, определяет органический и неустраняемый дуализм самой человеческой сущности во всем многообразии ее проявлений и, соответственно, столь же органический и фундаментальный дуализм культуры как принципа надприродной системной самоорганизации. Таким образом, принцип дуализма, имеющий стержневое значение для смыслогенетической парадигмы, уже не может быть представлен как условная методологическая или эпистемологическая выдумка, а обретает объективные, выводимые за рамки спекулятивного философствования основания.

Импульс к трансцендированию — этот *perpetuum mobile* культурных механизмов смыслообразования, неизбывная экзистенциальная потребность человека, коренным образом отличающая его от животного, — тоже результат полушарной дихотомии — столкновения и соперничества право- и левополушарных паттернов. И хотя феномен трансцендирования со всей его культурной семантикой, включая и «автоматическую» регенерацию имманентизируемых метафизических идеалов, не сводится к прямым проекциям эволюционного психического травматизма, но, тем не менее, содержит его в своей основе.

Перейду теперь к принципу конвертации биопрограмм в культурные практики — важнейшему моменту превращения животного психизма в культурное сознание.

Абстрактная возможность процесса, который можно назвать *конвертацией*, открывается с возникновением первичной метаоппозиции *я — иное*. (Эта оппозиция обнаруживает себя уже в первичных психических актах новорожденного младенца) Переживание этой оппозиции, в свою очередь, обусловлено возросшей в силу эволюционной болезни способности развивающейся психики к различению⁹.

От точечных вспышек спонтанной дистинктивности берет начало и процесс дискретизации психического континуума и бинарно-оппозиционного кодирования перцептов, которые возникают в результате дробления и оконечивания элементов текуче-диффузных правополушарных гештальтов (см. выше).

Как протекает конвертация? Каковы ее механизмы? Точно и полно ответить на эти вопросы означало бы поставить точку в затянувшейся полемике относительно принципиальных отличий человека от животных и культуры от природы; ведь разгадка механизма системной связи между природой и культурой и есть разгадка феномена человека. Однако эволюция умеет хранить свои тайны и до окончательного прояснения вопроса пока далеко. Хотя кое-что сказать все-таки можно.

Способность к комбинированию поведенческих программ и их компонентов нарастает по мере усложнения психики и у животных. Но сама «периферийность» такого комбинирования и ее ограниченность рамками видового генокода не позволяют тенденции к усложнению комбинаторики перейти некую грань, за которой происходит качественное пре-

---

⁹ Неслучайно психологи приходят к выводу о том, что первичной функцией мышления является именно способность к различению. Так, А.Р. Лурия показывает, что в онтогенезе «умение различать созревает раньше, чем операции обобщения». Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998. С. 88.

образование когнитивных процессов. Переход этой грани становится не только возможным, но и жизненно необходимым под давлением травматических факторов эволюционной болезни. Разбалансировка стандартных поведенческих программ вызывает в этих программах сбой и разрывы: целостный поведенческий паттерн внутренне расшатывается и непроизвольно сегментируется на дискретные и, что особенно важно, операбельные компоненты и связи взаимообусловленных действий. При этом шлейф первичной неразрывности экзистенциальных интенций продолжает играть для этих компонентов роль общего связующего контура. Дискретизованные элементы поведенческих программ, «выскакивая» из атемпоральных биопсихических паттернов, меняются местами в рамках одного поведенческого сценария либо «перескакивают» из одного сценария в другой, создавая комбинаторную путаницу. Наряду с описанным выше нарушением перцептивных и медиационных режимов здесь проявляется один из аспектов психической составляющей эволюционной болезни, определяющий симптоматику психических дисфункций в нижнем палеолите и, возможно, в более раннюю эпоху.

Таким образом, в соответствии с универсальным принципом комбинаторики, человек в отличие от высших животных приобретает способность комбинировать не только сами поведенческие программы, но и их отдельные блоки, а самое главное, — дискретные компоненты этих программ (отдельные действия). Это и позволяет конструировать не только содержательно новые, но и по-новому устроенные программы поведения, то есть качественным образом трансформировать биологически заданные роли и сценарии. Можно сказать, что целостность животных поведенческих программ раздроблена изнутри аритмическими сбоями, а затем собрана заново из дискретизованных операбельных компонентов, но уже в специфически человеческом — смысловом виде, в условиях необратимо изменившихся психических режимов¹⁰. Прежде всего это касается рекомбинации дискретных когнитивных элементов, из которых строится психический образ.

Наращивание комбинаторных способностей продолжается на протяжении всей истории культуры. В дальнейшем будет показано, как рубежи становления субъектности и новых типов ментальности на когнитивном уровне неизменно сопровождаются скачковым развитием комбинаторных возможностей мышления. Это и неудивительно, поскольку

---

¹⁰ К примеру, изменения эти открыли совершенно новые возможности в продуктивной рекомбинации звуков при формировании членораздельной речи: из 30-40 простых звуков можно построить 100-200 тыс. слов разговорного языка.

развитие левополушарной когнитивности, под знаком которой развивалось культурное сознание, нацелено на бесконечное и неостановимое дробление любых целостностей на все более мелкие элементы. В предельном выражении эта тенденция проявилась в ментальном типе западной культуры.

Смыслогенетическая и культурообразующая сущность процесса конвертации заключается в следующем. Если «на входе» имеется действие с *однозначным*, даже в случае знакового кодирования, «прочтением», то «на выходе» появляется уже не по-природному сигнальная, а *семантическая*, то есть смысловая, конструкция, которая чревата множеством интерпретаций. Эту формулу необходимо пояснить. То, что в рамках животного знакового поведения можно назвать содержанием (значением, денотатом) того или иного инстинктивно заданного акта, проходя через «рамку» конвертации, преобразуется из единственного в главное. То, что было однозначным и безальтернативным содержанием инстинктивного поведения (и его сигнально-коммуникационного выражения), развинчивается на операбельные компоненты и затем свинчивается вновь, но уже в смысловой форме. При этом каждый из дискретных и операбельных элементов новообразованного целого ведет себя как маленькое целое, со всеми вытекающими из этого следствиями. Так, всякое слово в языке, независимо от навязываемого контекстом смысла, продуцирует самостоятельное ассоциативное поле и семантическую многозначность. В результате вокруг бывшего единственного содержания (денотата) образуется «коннотативное облако» с множеством внутренних связей. При этом первоначальное содержание сворачивается до организующего ядра, структурного центра смысловой конструкции, периферию которой теперь образуют продукты самостоятельной жизни входящих в нее подвижных и операбельных элементов. Иными словами, первоначальное содержание (сигнальное сообщение) уже никоим образом не сводится к природной однозначности. Теперь в смысловом поле эта однозначность сменилась доминированием и в силу последующих изменений смыслового контекста может в любой момент быть оспорена каким-либо периферийным значением.

Примеры дезинтеграции – «развинчивания» изначально целостных биопрограмм легко обнаруживаются в самых значимых сферах ранней культуры. Так, программа охоты отделяется от жесткой обусловленности чувством голода: человек – единственное существо, которое охотится, не будучи голодным. Так же развинчивается инстинктивная связка продолжения рода и самого акта совокупления и т.д. Можно предположить, что примерно к 500 тыс. лет назад основные виталистические програм-

мы были хотя бы частично конвертированы в ранние культурные практики, начав постепенно «обрастать» соответствующей мифосемантикой.

Этологи любят смаковать аналогии, «доказывающие» неразличимость или, по меньшей мере, прямую преемственность между животным и человеческим поведением. Вот характерный пример такого рассуждения: «Когда птицы садятся на дерево, доминанты занимают самые высокие ветви, а за верхушку часто происходят стычки. Постаменты, троны, трибуны и прочие возвышения – обязательный атрибут власти во все времена. Ни один царь не придумал в качестве места своей персоны углубление»¹¹. Последнее неверно, но не в этом дело. Дело даже не в том, что при всем подчас поразительном сходстве в моделях социального поведения животных и человека¹² в действия последнего помимо обусловленности задачами сохранения вида и выживания популяции включается еще и неуклонно усиливающийся в ходе истории мотив индивидуальных интересов и ценностей. Главное же отличие в том, что в человеческом поведении целостный, однозначный и самотождественный сценарий всякий раз фрагментируется на отдельные семантические элементы, каждый из которых разворачивает собственное смысловое поле. Так, поведенческая символизация иерархии у человека никогда не исчерпывается однозначной животной сигнальностью, связанной с преувеличением размера того, кто занимает самую высокую точку в пространстве. Этот единственный для обезьян, птиц и др. денотат не зависит, к примеру, от того, на что именно уселся доминант: на ветку, на камень, на некое созданное человеком сооружение и т.д. Для человека же и то, на чем сидит доминант, как он сидит, как регламентируются позиции и поведение субдоминантов и т.д. – все это не просто «расцветчивает» животное в своей основе ядерное содержание ситуации, но создает совершенно незнакомую животным смысловую полифонию *семантических* отношений. В культуре, на каждой ступени иерархии, в каждом ее звене возникают смысловые конструкты не просто дополнительные, но «параллельные» ядерному содержанию, сколь бы ни было сильно выражено его доминирование.

Например, в силу бинарного механизма кодирования смыслов любые семантические суперпозиции способны инвертироваться. Так, низвергнутый доминант не просто сбрасывается с самой высокой точки, но

---

¹¹ Дольник В. Непослушное дитя биосферы. М., 1994. Цит. по: Бернев П. Лабиринты ума. СПб., 2008. С. 99.

¹² В этом нет ничего удивительного: поскольку природа остается для человека материнской системой, то и основные законы социальной организации, будь то социотомия, кооперация, иерархизация и некоторые другие, у него с животным миром общие.

помещается в инверсионно симметричную ей самую низкую точку пространства, которая может оказаться и в углублении. В этой точке доминант может оказаться и не потеряв статуса, а в силу ряда смысловых реализаций, накладывающихся на ядерную схему иерархической структуры. К примеру, мифологические образы нижнего мира одновременно занимают и самую высокую, и саму низкую точку в пространстве, сочетая в своем образе и сакральность, и, на более зрелых стадиях развития религиозного сознания, негативную отмеченность. При этом мифологическое мышление не видит в том противоречия, поскольку эти смыслы кодируются в разных семантических рядах, чего, разумеется, нет и не может быть у животных. Я даже не говорю о человеческой способности не только игнорировать, комбинировать и замещать отдельные компоненты поведенческих сценариев, но и отклонять инстинктивные программы в целом. В этом случае культура переламинает императивность инстинкта, утверждая в человеческом поведении свои собственные ценности и мотивации.

Такого рода переламывание несет в себе гораздо больше, чем просто психологический стресс. Здесь появляется ужас экзистенциального отчуждения, который сам по себе инициирует культуротворческие процессы. Так, когда конвертация дошла до программы охоты и весь соответствующий комплекс действий и переживаний приобрел смысловую форму, появился страх за волевое и потому «нелигитимное», «неправильное» убийство животных. Отсюда ритуал «умножения» — возвращение к жизни убитых на охоте животных. Вообще всякий акт осознания конвертации той или иной биопрограммы вызывает в палеосознании шок «грехопадения» — ужас перед своим вмешательством в незримые связи запредельного мира. Смысловая операбельность дискретных компонентов любого рода поведенческих ситуаций позволяет комбинировать и кодировать разнообразные семантические позиции от простых симметричных инверсий до сложнейших оттенков смысла, далеко уходящих от ядерного содержания.

Пример. Универсальный закон самоорганизации любой группы дискретных элементов и в том числе биологических существ, включая человека, в иерархизованную структуру создает устойчивый набор суперпозиций — «сюжетов», — присущих как животным, так и человеческим социальным сообществам. Такие суперпозиции и выступают в роли ядерного (базового) содержания в процессе конвертации. Фактически все модели социального поведения, которые этологи наблюдают у приматов и отчасти других животных, имеют более или менее прямые аналогии в моделях социального поведения человека. Распределение ролей и ран-

гов между членами сообщества, переадресование агрессии, накопившейся из-за страха перед доминантом, на наказываемых (макаки, собаки), разнообразие форм союзов равных по рангу особей — все это даже не «человеческое, слишком человеческое», но скорее «животное, слишком животное». Особенно впечатляют параллели между «обезьянными революциями», когда молодые самцы, объединяясь, свергают пожилого и деспотичного доминанта-геронта, и мифологическими описаниями сакрального социогенеза. Так, в ведийском обществе (и не только, разумеется, в нем) отряды отборных воинов — марутов — жили войной и грабежом. В Ригведе читаем об Индре — «юном муже и юных marutvant. «...из нас (марутов) выходит кулачный боец, скорый на руку (Индра)», который, в силу своих фенотипических особенностей, становится вожаком отряда молодых воинов и «царем живущего», «единственным царем всего существа»¹³. При этом утверждение Индрой своего статуса доминанта посредством военных побед и подвигов помимо ядерного содержания, отсылающего к модели «обезьяньей революции»¹⁴, продуцирует широкий пакет важнейших культурных смыслов с их собственными внутренними суперпозициями и богатейшими семантическими разветвлениями. Акт сакральной космогонии, установление генеалогии (старшинства) богов и иных мифологических существ, священных иерархий — вот лишь некоторые из смысловых комплексов, выраженных в мифологических мотивах, вызванных к жизни почти случайным и, в общем-то, тривиальным событием архаической родоплеменной жизни. Впрочем, выдвигание Индры на роль племенного вождя выделяется из множества ему подобных эпизодов тем, что произошло в «нужное время» и «в нужном месте», благодаря чему стала той самой «соринкой», вокруг которой началась кристаллизация «перенасыщенного раствора» мифологического сознания.

Итак, при всем внешнем сходстве принципиальная разница между сигнальным поведением животных и семантико-смысловым конструиро-

---

¹³ У обезьян вылазки внутренне не иерархизированных групп молодых самцов за пределы территории, длящиеся иногда до нескольких дней, — хорошо изученное явление. См., напр.: *Шовен Р.* От пчелы до гориллы. М., 1965. Характерно, что отсутствие выраженной иерархии среди молодых самцов, которые бросаются к еде, не соблюдая статусных различий, переключается с отсутствием иерархии у марутов: «Среди них, как среди спиц (колесницы), нет последнего. «Нет среди них ни старших, ни младших, ни средних».

¹⁴ Прямой мотив свержения доминанта-геронта нередко трансформируется в мотив смены поколений богов или, примерно с середины II тыс. до н.э., в мотив победы харизматического героя над хтоническими существами, представляющими мифологических «доминантов» предшествующего культурно-исторического цикла (мотив змеборчества и т.п.) Надо ли говорить, что в обезьяньих популяциях свергаемый доминант никогда ни в какие иные образы не трансформируется?

ванием в культуре заключается в том, что у людей поведенческая конструкция представляет собой не простую копию (или усложненное продолжение) биопрограммной конструкции, а ее развинченный на компоненты и заново собранный в смыслогенезе коррелят. Этот коррелят – смысловая конструкция – есть продукт синтеза двух когнитивных техник: симультанной (правополушарной) и линейно-дискретной (левополушарной). Каждый из элементов новообразованной коррелятивной структуры сам по себе несет и провоцирует свой собственный пучок дополнительных смысловых возможностей. Когда люди и животные совершают одни и те же действия, то животные осуществляют внутренне монолитную и однозначно воспринимаемую схему, а для людей содержание этой схемы не исчерпывается центральным значением. Неслучайно ни один из человеческих языков никогда в полной мере не реализует принцип: один знак – один денотат, хотя в ряде случаев сознательно к реализации этого принципа устремляется.

Центральное (ядерное) значение при изменении контекста может утратить свое центральное положение, как утрачивают его, к примеру, архаические обряды, внешняя оболочка которых наполняется в поздние эпохи совершенно иным содержанием. Поэтому не стоит обманываться внешним сходством между поведением людей и животных. Впрочем, в случае примитивности или архаичности смыслообразующих возможностей биопрограммы зачастую конвертируются в культуру в почти неизменном виде. Так, у наиболее архаичных донеолитических сообществ охотников и собирателей, в частности у аборигенов Австралии, наблюдается устойчивое воспроизведение характеристик социального поведения приматов (18 из 20 характеристик). И это относится не только к современным первобытным народам. В некоторых секторах ментальности прямое калькирование биопрограмм происходит независимо от общего уровня развития культурной системы. Однако же в целом принцип переменного доминирования усиливает свое действие по мере общего усложнения культуры и автономизации ее подсистем. Несомненно, взрывное усиление означенного принципа явилось одним из когнитивных аспектов верхнепалеолитической революции.

Ни одна природная программа, проходя через «рамку смыслогенеза», не остается тем, чем была. Прежняя, однозначная функция становится теперь частью широкого смыслового поля внутри образующихся структурных связей новой системы (культуры). Та же логика действует и на следующих этапах, когда речь идет уже о межсистемных переходах в рамках историко-культурогенетического процесса, когда происходят структурные трансформации и реконфигурирование уже собственно культурных систем.

Вернемся к психическим процессам, приводящим к дискретизации компонентов перцептивных и поведенческих программ и их последующей комбинаторике. Частичное разрушение перцептивных режимов в антропогенезе создает своеобразный эффект инверсии: бессознательное переживание всеобщей взаимосвязанности оборачивается ощущением отсутствия связи чего-либо с чем-либо. Поэтому в раннепервобытной (как и в детской) психике господствуют спонтанно-текущие и беспорядочные соположения при отсутствии устойчивых различий части и целого, внешнего и внутреннего, главного и второстепенного и т.д. Едва ли единственной устойчивой чертой такого психического режима, функционирующего преимущественно в подсознательной сфере, является сильнейшее смещение экзистенциального переживания в сторону внутренних представлений (психических образов) в ущерб любого рода рефлексии внеположенности (объективности) вещей. В результате, образы подсознания не только отождествляются с эмпирической реальностью, но и господствуют над ней. Это явление, названное *перцептивным реализмом*, в той или иной мере проявляет себя везде, где наблюдается доминирование правополушарной когнитивности, то есть оно выходит далеко за пределы самых ранних стадий генезиса ментальности.

Именно такое внутренне подвижное, пластичное, синкретически беспорядочное состояние психики обуславливает возможность релятивной комбинаторики элементов. Бессознательное комбинирование было описано еще Фрейдом, для чего им был введен термин *déplacement* (перемещение): под действием мощных психических импульсов переносятся как признаки вещи, так и их части. Это стадия максимальной, а потому предельно абстрактной свободы смыслообразования и ассоциирования. Свобода эта совершенно спонтанна. Она не знает ни целей, ни правил, ни границ: сознанию открыт широчайший спектр модальностей всякой вещи. Эта первичная спонтанность, пошагово укрощаемая культурой, продолжает, хотя и в частично преодоленном виде, превалировать в мифологическом (правополушарном по доминанте) сознании.

Возникающие по ходу инкультурации правила и регламентации никоим образом не выводятся ни из природных потребностей, ни из имманентности самой ранней человеческой психики. Они – свидетельство пробуждения субъектности самой культуры. Можно сказать, что культура начинает свою самонастройку и самоорганизацию с первичных актов комбинаторики перцептов, высвобожденных из оков биопсихических программ.

Какие же организационные принципы начинают действовать, когда врожденные биологические разрешающие механизмы (суть сетки, филь-

трующие и отбирающие поступающие извне раздражители) начинают отказывать?

Современные исследования показывают, что человек воспринимает слова родного языка не как линейную последовательность знаков, а как своего рода гештальт (иероглиф), продуцирующий некоторый набор значений. При этом на ранней стадии восприятия/мышления бессознательное формирование образов подчиняется закону *симметричной семиотики*. Еще П. Рикер на материале психоанализа¹⁵ обнаружил, что образы снов обладают формальными свойствами *знаков*, произвольно замещающих и обозначающих друг друга. Так родилась концепция *семиотики образов*, которая в отличие от классической семиотики знаков полностью симметрична. То есть всякий из взаимозамещающих образов может оказаться как в позиции знака, так и в позиции означаемого. Дальнейшие исследования показали, что, поскольку почти любое слово языка потенциально многозначно, отбор подходящего значения может осуществляться по способности соответствующего образа замещать/дополнять образы значений контекста.

Поясним этот тезис опытами Т. Марсела. Очевидно, слово *рука*, *порождая бессознательный ассоциативный контекст с образом тела*, задает восприятие иероглифа *palm* (англ. — ладонь, пальма) в значении «ладонь». В общем контексте взаимозамещения эти значения создают связанную последовательность образов, не просто облегчающую, но *задающую правило* распознавания иероглифа *запястье*. В свою очередь, иероглиф *дерево* вызывает в воображении образы деревьев и служит контекстом для распознавания иероглифа *palm* в значении «пальма», что исключает интерпретацию данного иероглифа в значении «запястье», ибо соответствующий ему образ не может замещать ни один из образов деревьев. Это в свою очередь направляет распознавание в русло последовательной поэлементной и потому растянутой во времени переработки. В таких случаях (Т. Марсел называл этот тип переработки маскировкой) образный семиозис блокируется и испытуемый оказывается перед необходимостью восприятия слова *palm* как абстрактной линейной последовательности знаков, из которых складывается слово, обладающее тем или иным значением.

В точке блокировки симметричной образной семиотики происходит «перебрасывание» мяча на поле левополушарной когнитивности и запускается процесс «классического» семиозиса, а спонтанное смыслообразование в режиме неупорядоченной соположенности сменяется медленно, но неуклонно формирующимися правилами. Таким образом, от со-

---

¹⁵ Рикер П. Герменевтика и психоанализ // Религия и вера. М., 1996.

стояния стихийного палеосинкретического соположения всего со всем мышление переходит к стадии симметричной образной семиотики, в рамках которого в становящееся мышление привносятся элементы уже не природного, но культурного порядка, а в стихийной комбинаторике перцептивных элементов намечаются границы и правила. Например, любому ощущению или мысли может соответствовать определенный образ. При этом сознанию представляются лишь те перцепты или идеи, которые способны к взаимозамещению с образами контекста. Здесь в соответствии с универсальными законами структурообразования можно выделить некий центр, фокус, этакий «мини-аттрактор», притягивающий к себе периферийные элементы смыслового контекста и организующего их структурные отношения. Так свободная комбинаторика перцептивных и когнитивных элементов – суть продуктов частичного распада биопрограмм и сценарно-ролевых моделей – организуется в смысловые констелляции и структуры становящегося сознания. Следующий шаг – переход к классическому семиозису – осуществляется уже при вынужденном активном подключении функций левого полушария.

Вышеописанная модель может быть признана удовлетворительной, когда семантические поля культуры уже в той или иной мере сложились и установление новых значений как-то направляется имеющими в культурном опыте структурами. Тотчас же возникает вопрос: почему изначально в позиции центрального, организующего центра оказывается тот, а не другой элемент? Вопрос можно поставить и более широко: почему одни связки между той или иной таковостью и ее образным и языковым коррелятом закрепляются в ментальности, в речевых практиках и языковых традициях, а другие отсеиваются культурой как информационный шум, наподобие того, как взрослые с равнодушием или раздражением отмахиваются от спонтанного детского словотворчества и бессмысленной «гарабарщины»?

Ответов может быть, по меньшей мере, три:

– «выбор» организующего центра происходит в режиме случайности. Той самой «первослучайности», из которой разворачиваются затем любые закономерности. В подобных ситуациях обычно либо останавливаются на признании спонтанности выбора, либо, поддаваясь эссенциалистским искушениям, подставляют в качестве направляющей силы или скрытого субъекта выбора некие мистические или метафизические силы;

– особенности психики индивида. Если в основе смыслогенетического структурообразования лежит основанная на диалоге интенциональных субстанций партиципационная ситуация, то релевантность воспринимающей психики адресату партиципации, действительно, играет су-

ществленную роль. Все ее индивидуальные особенности так или иначе отражаются, отпечатываются на новообразуемой смысловой структуре. В этом смысле любой артефакт и любое имя (слово) – результат глубинного интенционального диалога психических субстанций: человеческой ментальности и адресата осмысления (агента партиципации). Индивидуальная психическая конституция, не говоря уже о фильтрах предшествующего культурного опыта (в тех случаях, когда о нем можно говорить), ограничивает поле случайного выбора от потенциальной бесконечности до достаточно узкого коридора вариантов. Однако здесь нет объяснения тому, почему именно те или иные семантические результаты выбора закрепляются в коллективном опыте. Ведь коллективный опыт не дедуцируется из индивидуального, даже при минимальном разнообразии индивидуальных когнитивных различий в раннепервобытном коллективе. К примеру, этого разнообразия вполне хватило, чтобы создать на закате первобытности богатейшую палитру взаимонепроницаемых архаических языков. Поэтому напрашивается третье объяснение;

– выбирает сама культура. Можно ли сформулировать это объяснение, не прибегая к провиденциализму и мистике? В двух словах – вряд ли. Отмечу лишь то, что если конфигурация смысловой структуры, ее семантика и языковые корреляты задаются самоорганизационными процессами культуры, то не только ментальность (индивидуальная или коллективная) подчиняется некому бессознательному указанию, но и сама культура вынуждена подстраивать свои смыслообразовательные репертуары под возможности человеческой ментальности (перцептивные режимы, опыт, содержание сознания, разнообразные когнитивные настройки и т.д.).

Представляется, что в действительности все три объяснения могут сочетаться, соотносясь между собой по принципу доминанта – компонента. В целом же, процесс ментального конструирования смысловых структур в процессе конвертации «развинченных» биопрограмм, определение организующих элементов и таинство имяназвания – все это ключевые вопросы культурогенеза, на которые вряд ли будут когда-либо даны окончательные ответы. Но продвигаться к их прояснению можно и нужно.

Подчеркну еще раз: до тех пор, пока биологически заданные перцептивные модальности не разрушены (а разрушить их может только эволюционная болезнь), предмет никогда не раскроется восприятию во всей потенциальной бесконечности своих значений и никогда не позволит обнаруживать и «отслаивать» от себя все новые и новые свойства и возможности. И никогда животная сигнальность, при всем ее комбинатор-

ном усложнении, не способна прорваться «вглубь» вещи и, убедившись в тщетности стремления, исчерпать семантикой все ее глубину, ощутить присутствие трансцендентного (ведь и человеческие слова, и их сочетания и комбинации обезьяны используют как сигналы). И в том, вероятно, их обезьянье счастье.

Так, в результате конвертации биопрограмм в пространство формирующейся человеческой ментальности рождается незнакомый животному психизму феномен – СМЫСЛ – дискретная и операбельная единица культурного самоструктурирования.

Выше речь шла главным образом о чисто когнитивных аспектах начал смыслогенеза. Теперь «по ту сторону» конвертации в поле рассмотрения попадают и семантико-семиотические аспекты смыслообразования, связанные с его эксплицитными формами: *знаком* и *артефактом*. Но это уже территория культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берснев П. Лабиринты ума. СПб., 2008.
2. Бианки В.Л. Асимметрия мозга животных. Л., 1985.
3. Бианки В.Л. Механизмы парного мозга. Л., 1989.
4. Дольник В. Непослушное дитя биосферы. М., 1994.
5. Дробышевский С.В. Эволюция мозга человека. Анализ эндокраниометрических признаков гоминид. М., 2007.
6. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998.
8. Рикер П. Герменевтика и психоанализ // Религия и вера. М., 1996.
9. Уилбер К. Проект Атман. М., 2004.
10. Шовен Р. От пчелы до гориллы. М., 1965.
11. Eccles J.C. The brain and the unity conscious experience // 19-th Eddington memorial lecture. Cambridge, 1982.
12. Pilbeam D. *The Evolution of Man*. London, 1970.
13. Sperry R.W. Cerebral Organization and Behavior // *Science*. 1961. Vol. 133. P. 13-22.